

Там, где нужна помощь

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» ОТРАБОТАЛ НЕДЕЛЮ ДОБРОВОЛЬЦЕМ ВО ВРЕМЕННОМ ГОСПИТАЛЕ ДЛЯ БОЛЬНЫХ КОРОНАВИРУСОМ ПРИ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ ИМ. Ф. И. ИНОЗЕМЦЕВА

Хронологически история православного волонтерства в российских лечебных учреждениях не очень протяженна — если не брать, разумеется, дореволюционную эпоху. Началась она в 1990-х годах, когда вместе с сестрами милосердия Свято-Димитриевского сестричества в отделения Первой градской больницы пришли первые добровольцы-москвичи. С тех пор Церковь в лице Синодального отдела по благотворительности и социальному служению наладила четкий механизм ежедневной помощи страдающим людям, который помогают поддерживать тысячи добровольцев в десятках епархий. Как он функционирует, на себе испытал корреспондент «Журнала Московской Патриархии», записавшийся добровольцем в «красную зону» столичного ковид-стационара.

Красные курсанты, Дуга из человека, или Как поменять постельное белье под лежачим больным

«Основная задача волонтеров — уход и гигиена пациентов. Волонтеры стремятся создать максимально комфортные условия для пациента».

Из Инструкции волонтера

Набор новичков на добровольческое служение излишней бюрократией не отличается. Каждый желающий за пять минут может заполнить простую анкету, ссылка на которую ведет с нескольких общецерковных ресурсов. Через пару дней либо на электронную почту, либо на контактный телефон приходит приглашение на первое собеседование, которое необходимо пройти перед началом обучения. Поскольку со всеми кандидатами (по крайней мере в Москве) лично беседует председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископ Верейский Пантелеимон, подстраиваться придется под рабочий график архиерея, а не наоборот. Но и здесь никаких осложнений: на первой из недель оба вечера мне не подошли, но на второй координатор любезно записал меня на одну из приемлемых дат.

Само собеседование проходит быстро, но неформально. По его итогам меня определяют в пятую группу по обучению уходу за лежачими больными, занимающуюся в Свято-Спиридоньевской богадельне — проекте Православной службы помощи «Милосердие» (еще одна площадка курсов для волонтеров «красной зоны» — больница святителя Алексия). На самой верхотуре здания на набережной Шитова в Черкизове обустроен класс с несколькими стандартными кроватями для лежачих больных. В вечерний час сюда пришли около десятка обучающихся — примерно поровну представителей обоих полов. Скупая лапидарная теория, и вот преподаватель Светлана Артемова (штатная сестра милосердия богадельни) приглашает самого смелого занять место на койке.

Снятие и постановка колес на тормоз, опускание и фиксация кроватного борта, подъем передней части кровати специальным рычагом — все это механика, без которой нет смысла перехо-

Отдельную благодарность выражаю духовенству, трудящемуся там, где ведется небезопасная борьба за жизнь заболевших, там, где люди лишены возможности находить утешение в общении с родными и близкими, — в так называемых «красных зонах». Да вознаградит Господь и врачей, медицинских работников, и добровольцев, и пастырей, трудящихся в «красных зонах», за их самоотверженный труд.

Святейший Патриарх Кирилл

Из доклада на Епархиальном собрании г. Москвы

22 декабря 2021 г.

дись к главному. А что же тут главное? «Постовые медсестры передали мне следующее. Сейчас у санитаров в “красных зонах” часто не хватает времени на смену подгузников и постельного белья, — без обиняков доводит до нашего сведения предварительные расклады Светлана Михайловна. — В основном эти премудрости в течение двух занятий и будем осваивать».

Методику смены подгузника на взрослом лежачем больном опустим. Упомяну лишь, что она мало похожа на нехитрую аналогичную процедуру, которую проходили все родители с собственными младенцами. А вот замена постельного белья под телом человека — целая наука. Сначала пациента поворачиваем на бок и располагаем по определенной дуге. Потом, строго по алгоритму, с одной стороны формируем скатку чистой простыни, а с другой готовим к удалению грязную. Затем переворачиваем тело (не забывая, что под твоими руками не бревно, а живой, к тому же тяжело больной человек) на другой бок и совершаем основной этап замены. Если вспомнить, что во всем этом процессе еще обязательно участвуют гигиеническая простынка и пододеяльник, а венцом программы становится замена пресловутого подгузника, становится понятно, почему к окончанию и первого, и второго занятия пот с учащимся льется градом, а свежеприобретенные знания в головах топорщатся что эти учебные простыни на сбившемся комо матрасе.

Но любой курс когда-нибудь заканчивается. Нас опрашивают на предмет территориальных

Волонтеры трудятся ежедневно — и утром, и вечером, и на праздники, и в будни. Бухгалтеры и полицейские, водители троллейбусов и топ-менеджеры, студенты и преподаватели вузов — к нам пришли самые разные и просто удивительные люди. Все они, понимая риск, на который идут, решили помочь — потому что не могли иначе. Только в Москве на курсы православных добровольцев записалось больше тысячи человек. Но сейчас в «красные зоны» ходит около трех сотен из них, а потребность гораздо выше. Идет подъем заболеваемости из-за нового омикрон-штамма. Прошу всех, кто неравнодушен к страданиям других, помочь в это трудное для всех нас время!

Епископ Верейский Пантелеимон, председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению

5515

выездов к людям с коронавирусом, подозрением на коронавирус и умирающим не от коронавируса совершили со 2 апреля 2020 года в Московском регионе специально подготовленные священники

предпочтений по выбору места служения. А через несколько дней оказывается, что добровольцам без второго компонента вакцины (как вариант — без весьма высокого титра антител, который бывает только после недавно перенесенной болезни) вход в «красную зону» заказан. Еще недавно столь жестко подходили отнюдь не во всех госпиталях. Но добровольцев все больше, и требования к ним жестче. В общем, пока делал прививки, прошло еще три недели.

День первый. ПИН-код

«В Красной зоне волонтер находится под руководством Наставника».

Из Инструкции волонтера

Распределили меня в Сокольники. Прослушиваю общую информацию от моего сегодняшнего наставника — координатора всех добровольцев этого госпиталя Марии Мериновой. Два громадных павильона одноименного культурно-выставочного центра под коронавирусом стационар общей емкостью около тысячи коек перепрофилировали в мае позапрошлого года. Строго говоря, зданий здесь даже больше. Четвертый павильон поделен на корпуса А и Б. Третий с прилегающей дугой «Технорамы» (традиционным местом бывших православных ярмарок «Артос» и «Рождественский дар») — на В, Г и Д. Медперсонал для краткости называет их

«ВД», волонтеры — «ВГ», потому что в корпус Д мы не ходим. Там развернут крупный реанимационный блок (по местной терминологии — палаты интенсивной терапии). Место приложения труда православных волонтеров — ПИН, палаты интенсивного наблюдения, где лежат пациенты средней (между реанимацией и терапевтическим отделением) тяжести.

Не позднее чем накануне выхода каждый доброволец может записаться в одну из дежурных смен: утреннюю, дневную, вечернюю (продолжительностью по 3,5 часа) и укороченную четвертую — для волонтеров, которые заняты на своей обычной работе дольше остальных, но могут подъехать и послужить с семи часов вечера. Наставник встречает подчиненных за четверть часа на мягких диванчиках в бывшем седьмом павильоне. Теперь здесь располагается администрация госпиталя, а на втором этаже — столовая, где после смены категорически рекомендуется выпить побольше чая и хорошенько пообедать. Вода показана и перед входом в «красную зону»: организм в костюмах спецащиты влагу теряет литрами.

На входе в корпус — обязательное измерение температуры. Натягиваю комплект хирургички (кальсоны и рубашка свободного кроя без пуговиц). И вот самый ответственный момент: заключительный этап экипировки. Сразу же я совершаю стандартную ошибку: суечусь и тороплюсь, будто без меня кто-то уедет в прекрасное далеко. Маша привыкла к таким фокусам стереотипной психологии и с улыбкой поправляет на мне респиратор, защелкивает основательно обработанную жидким мылом (против запотевания) прозрачную маску-очки, снимает одноразовую липучку с молнии комбинезона. Последний штрих — синий «погон» на плече, цветовая индикация санитарной службы (у врачей он красный, у медсестер желтый). «А наклейку — забыли?!» На сердце и на спину мне крепят на липучках символ Православной службы помощи «Милосердие» с красным крестом.

На входе и на выходе каждая смена добровольцев неукоснительно соблюдает две важнейшие традиции. Первая — фотографирование наставником (только эти люди из числа православных волонтеров имеют право входить внутрь с телефоном). Ну, при входе — понятно,

*Епископ Верейский
Пантелеимон перед
входом в «красную
зону»*

а на выходе-то зачем? «Чтобы удостовериться, что вышло столько же, сколько и зашло: лица под маской не видно», — отшучивается Маша, нанося мне на спину синим маркером имя. Вторая — непременная молитва: на входе поем «Царю Небесный», на выходе — «Достойно есть».

Первая смена пролетела незаметно. Быть может, оттого, что новичку обычно не поручают сколь-нибудь трудных заданий. Поначалу важно «кодифицировать» геометрию помещений, уяснить дорогу к переходу между корпусами и вообще научиться ориентироваться в «скафандре». В длинном ПИН-блоке корпуса АБ я предлагал пациентам чай, заваривал пакетики кипятком из кулера и разносил желающим. Покормил с ложечки лежащую 80-летнюю Веру Дмитриевну, проследил, чтобы та не забыла принять и хорошенько запила вечерние таблетки. После ужина она извлекла из-под кровати верхнюю одежду и плохо слушавшимися руками принялась одеваться: «А как же, меня ведь к Новому году дома ждут...» Постовая медсестра только вздохнула: «Она так постоянно делает. Все сокрушается, что тут на выходные домой не отпускают...»

Моя наставница долго уговаривала пациентку не покидать госпиталь на ночь глядя. С трудом до-

стигли компромисса: на сон грядущий я почитаю ей «что-нибудь легкое». На стеллаже в дальнем углу корпуса нашелся томик Виктории Токаревой в мягкой обложке. Начали с самого короткого рассказа «Уик-энд», в котором обнаружился даже скрытый катехизаторский посыл: литературное произведение заканчивалось емкой фразой «Бог послал». Перевернув последнюю страницу, я обнаружил, что подопечная мирно дремлет.

День второй. Утренний туалет

«В больнице за пациентов несет ответственность персонал. Волонтеры помогают в работе как младший медицинский персонал. Волонтер работает в корпусе, определенном наставником в начале смены».

Из Инструкции волонтера

Поскольку более или менее успешный дебют у меня позади, пора, как считает старший товарищ Денис Якошвили, ознакомить новичка с горшечной логистикой. Рядом с именем на спецкомплекте у Дениса нарисован синий ежик — «именной логотип», без которого он в «красную зону» не входит. Грузному

5944

комплекта
индивидуальных средств
защиты направил
Синодальный отдел
по благотворительности в

127

епархий для посещения
больных с коронавирусом

Облачение в костюм индивидуальной защиты в специальной комнате — ответственнейший момент выхода на смену (справа)

Снимок на смартфон наставника — неременный атрибут окончания смены в «красной зоне»

и высокому, ему трудно в спецкостюме, и в середине смены он присаживается передохнуть на выходе из блока. Нам еще повезло: сублильным девушкам, в том числе моему сегодняшнему наставнику Яне Вейль, достались только зимние СИЗы с начесом.

В каждом из корпусов территории отделений функционально оформлены в виде больших блоков, разделенных в свою очередь высокими перегородками на отсеки для нескольких лежащих пациентов. С первого взгляда отсек выглядит как нечто среднее между классической больничной палатой и орег-спрсе, в которых работают редакции больших современных СМИ. Персоналу удобно: не хлопают двери, одним взглядом можно окинуть большое пространство и найти нужного человека, особенно с учетом цветовой маркировки комбинезонов. Пациентам, особенно с непривычки, некомфортно: до туалета самостоятельно способен добраться далеко не каждый, а отсеки внутри блоков делятся на мужские и женские с известной долей условности. Немного спасают положение передвижные ширмы, которые на время самых интимных моментов размещаются у той или иной кровати. Задача волонтеров — обойти и проверить все емкости, полны они или пусты, и в первом случае утилизировать содержимое по инструкции. «Да тактично, осторожно — рядом люди завтракают, им же неприятно!» — напутствует старший товарищ.

Замечаю, что койка Веры Дмитриевны пустует. Куда ее отправили — в реанимацию, в терапию или... О третьем возможном пути думать

не хочется. Можно и спросить, никто не попеняет, но некогда. Вообще госпиталь немного напоминает полк строевой войсковой части в летнем лагере. Постоянное передвижение и мельтешение персонала кажется броуновским движением, но каждый его мини-вектор обусловлен приказом непосредственного начальника и отдельной черточкой встраивается в общий строго продуманный план действий.

Вот Яна зовет меня сходить вместе с ней в соседний корпус за кусачками для стрижки ногтей. Это тоже важная гигиеническая процедура (особенно для задержавшихся в госпитале на несколько недель), а штатные ножницы для нее не предусмотрены. Поэтому на вооружении православных волонтеров имеется собственное спецоборудование. «Я здесь все обыскала, нигде нет», — объясняет Яна, попутно знакомя меня с содержанием материальной комнаты в нашем корпусе. Это помещение в центре блока — подлинная сокровищница: здесь хранится чистое постельное белье и подгузники на замену, а также мелкий гигиенический расходный материал. Последний как раз понадобился: пока

Перестилание постели в СИЗ-комплекте — непростое упражнение на координацию и мелкую моторику

я обходил блок с туалетным дозором, один пациент попросил принести пачку одноразовых носовых платков. Беру легкую барсетку — так называемый «приветственный набор», тяну застежку-молнию, и... большой палец перчатки рвется! Наружные уже давно в баке для отходов класса «А», но — спокойно! — не зря опытные люди советовали на грязные процедуры надевать сверху на вторую пару третью. Я по-прежнему защищен... был, пока не посмотрел вниз на бахилы. Правый разошелся по шву, левый скособочился почти под прямым углом и волочит по полу скомканным мешком. «Ничего, дырку мы сейчас заклеим, — Яна ловко орудует скотчем, — а бахилы надо фиксировать не по одной, а по двум окружностям. Тогда будут держаться намертво».

На обратном пути встречаем потерянно бродящую по коридорам пациентку. Пенсионерка Лидия Московская ходила на свидание к сыну (в госпиталь они загремели вместе), а на обратном пути заблудилась. Немудрено: перегородки одинаковые, пустынные переходы теряются где-то у горизонта. «Я в терапии, в те-

рапии...» — повторяет женщина, пока наставница ее успокаивает. Доходим до терапевтического отделения «Б», находим нужную койку... Не загостились ли мы в этом корпусе?

Яну заждались с кусочками. А нам с Денисом санитар ставит задачу перестелить кровать лежащему больному. Вообще-то 80-летнего Юрия Владимировича хорошо бы докормить. Но твердую пищу он не принимает, а пить жидкую из бутылочки отказывается. «Его сейчас переводят в реанимацию, нужно, чтобы пациент поступил на чистом белье», — объясняет медбрат.

Перестелить постель в перчатках, скажу я вам, то еще упражнение! Как раз когда мы управляемся, спешащая мимо медсестра подходит к нашему пациенту, чтобы проверить показатели. Что-то ей очень сильно не понравилось. Вокруг тут же засуетились постовые сестры, подошел «красный» — лечащий врач...

Мы с Денисом тихо ретировались, а тут и смена закончилась. Усталость неожиданно навалилась сразу после обеда. Мной овладела такая апатия, что с трудом заставил себя дотащиться

Перемещение
пациентов
контролируют
медсестры

до КП. Отдал разовый пропуск и долго стоял на парковой аллее, вдыхая свежий морозный воздух. Видимо, неслучайно волонтерам не рекомендуют выходить в смены два дня подряд. Дремлю в метро, одним глазом просматривая оживленную беседу в волонтерском чате. Наставник сменщиков сильно недоумевает, куда девался контейнер с кусочками из соседнего корпуса и почему это в нашем их обнаружилось сразу два.

День четвертый. ...Как на войне

«Цель волонтерского служения — облегчение страдания больных. Можно свидетельствовать о своей вере любовью, отвечать на вопросы о вере, но не проповедовать».

Из Инструкции волонтера

Утром чат взорвался сообщением: один из волонтеров, Александра, вместе с домочадцами заболела ковидом. Конечно, не обязательно вследствие работы в госпитале, и даже, скорее всего, это не так. Но факт остается фактом: здесь каждый находится под обстрелом. Энтузиасты общения в сети тут же разыскали архивный кадр военных времен: офицер в тулупе провожает по

зимнему лесу облаченных в белые маскхалаты разведчиков за линию фронта. Одевание у них действительно сильно напоминает современные СИЗы, и даже капюшон почти такого же кроя. Возникла дискуссия, на кого похож офицер. Коллективный разум решил, что на дежурного в комнате экипировки, а через плечо на ремне у него перекинут длинный синий маркер.

Посреди смены наставник Ира Худякова, пользуясь свободной минуткой, завела нас в полупустое терапевтическое отделение: «А вот койка, на которой в июле я сама лежала. Как раз тогда в этот госпиталь стали приходить первые православные волонтеры. Так мне их помощь понравилась, что я дала себе слово: если оклемаюсь, сама в добровольцы запишусь». Теперь в волонтерском чате 183 человека, которые, сменяя друг друга, записываются на смены. Даже наставники не знакомы со всеми очно, потому-то хорошим тоном здесь считается непременно поблагодарить друг друга в чате за служение после каждой смены.

День выдался спокойный. Принес чай Алексею Юрьевичу — бодрому старичку, недавно переведенному из реанимации. Он поинтересовался, что это у нас за одинокий погон на плече, как у Штир-

лица. Растолковал ему как мог. Он поблагодарил за чай и на прощание, согласно кодексу разведчика, перешел на позывной: «Юстас, меня завтра в терапию пообещали перебазировать. Только это секретная информация, смотри не разглашай!»

Потом мне показали, как гигиенической пеной моют голову. Параллельно я прислушался к словотерапии, которую за перегородкой проводила Таня Леонова, кормя 56-летнего Николая. Катетер в шее, капельница, в госпитале уже больше месяца, недавно из реанимации. Разговор заводит сам — на самую популярную здесь тему.

— Как мне отсюда выйти? Скажите, как поскорее вылечиться?

— Самое главное — хорошее настроение, — ложка каши исчезает во рту.

— Так откуда ж ему тут взяться?!

— Попробуйте улыбнуться, вспомните свою любимую песню, фильм, любимые кадры... — еще одна ложка пошла по назначению.

— Ну и советы! Все, давайте кофе.

— С бутербродиком с сыром и маслом?

— Без масла, и сыр тоненький. У меня впервые после реанимации аппетит появился!

Пациент пытается пить сам, но еще очень слаб. На ощупь находит бутерброд, откусывает и опять кладет обратно. Борец, пойдет на поправку!

— Вас послушать, так везде надо искать что-то положительное. Обычно я заварной пью, но... вкусно! Только не понимаю, зачем вы-то сюда идете? Вы же молодая женщина, зачем вам это?

— Это как на войне... Там — явный враг, а сейчас скрытый — болезнь. Здесь просто нужна помощь, и мы помогаем. Иначе зачем наши прадеды на войну шли?

— Ими двигал патриотизм!

— И нами тоже. И любовь к людям. Если любишь свою страну, то любишь и людей, которые в ней живут.

Стянув потную хирургичку и стоя под теплыми струями душа, я вспоминал улыбававшиеся глаза Николая, с которыми он после разговора с Таней беседовал с кем-то по телефону.

День восьмой. Юстас — Алексу

«Санитары отвечают за комфорт, питание и чистоту пациентов. Мы помогаем им, а они нам».

Из Инструкции волонтера

Волонтерская помощь бесценна для пожилых одиноких людей

Арнольд Маркаров, главный врач Городской клинической больницы им. Ф. И. Иноземцева

Covid-19 — непростое испытание для всего мира. Для борьбы с ним прилагаются огромные усилия: поиск эффективных лекарств, вакцинация, открытие специализирующихся именно

на лечении коронавируса больниц. Противостояние болезни в последние полтора года стало действительно общей задачей. И мы, врачи, искренне благодарны людям, готовым помогать в этом медицинским работникам. Мы очень ценим волонтеров — людей, которые добровольно приходят в госпиталь в Сокольниках, чтобы помочь и словом, и делом. Работа в «красной зоне» — дополнительный риск. Но добровольцы, несмотря на это, приходят туда, где требуется помощь. Перестилают постели, разговаривают, ободряют, успокаивают, поддерживают. Это очень важно, особенно для пожилых одиноких людей.

Спасибо большое всем волонтерам за их помощь, доброту и отзывчивость к нашим пациентам, за вклад в общее дело борьбы с коронавирусом.

Елена Буковская, приходской психолог при храме Вознесения Господня на Большой Никитской улице (Москва)

В прошлую смену в госпитале разговорилась с мужчиной. Так он мне только и рассказывал о том, какая это благодать — Причастие в больнице, как Господь всех нас любит и об ангелах-волонтерах,

которые летают и машут своими крылышками. Сегодня другой пациент сообщил, что он тут уже дважды причастился. Он знает, что обязательно выздоровеет и будет творить маленькие, но добрые дела во славу Божию!

Кажется, я научился правильно одеваться. Главная премудрость — никуда не торопиться, надежно проверяя каждую мелочь. Как полицейский перед выходом на дежурство, как солдат перед ночным боем. СИЗ-комплект сидит как влитой. Обе пары бахил на ногах надежно перетянуты обручами скотча. Респиратор не задирается и не слезает, стекла маски не запотевают, волосы надежно убраны под шапочку и герметично закрыты капюшоном. И как это неделю назад я не справлялся с этими премудростями? Дежурный в комнате экипировки немногословен: «С сегодняшнего дня синяя наклейка на плечо вам не положена. Так решило руководство — чтобы вас не путали с санитарями».

Судна, горшки и утки. Горшки, утки и судна. Посреди этого марафона девушка Таня с маркировкой медсестры зовет на помощь: «Надо

Рабочий столик на колесиках — невероятно удобная вещь для обхода лежачих больных по всем палатам в ПИН-блоке

больную придержать, тут тяжелый случай. Да ширму-то, ширму подтащи». Восьмидесятилетнюю Аллу Борисовну позавчера перевели из реанимации. По «эстафете» из прежней смены через чат передали: бабушка одинокая. К пациентке подходит «красный» хирург, долго осматривает и беседует с ней. Ничего путного та ответить не может, только периодически постанывает.

Вместе с Таней осторожно «кантуем» массивное тело, стараясь не причинять больной дополнительных страданий. Алла Борисовна интересуется, надолго ли она тут. Известие, что у нее ковид, поражает ее до глубины души — настолько, что она даже стонать перестает. «Да что вы говорите?! То-то я в реанимации удивлялась... А от него вылечиваются?!» Я не мог не пофилософствовать в ответ: «Конечно, вылечиваются. Если не хотят на тот свет». Аллу Борисовну мой ответ, кажется, устроил. Защитный крем с цинком подсушит кожу, более или менее спокойные участки промывают подоспевшие на помощь девушки-волонтеры. Совместными усилиями меняем постельное белье.

В коридоре встречаем дежурного священника Владимира Суханова — настоятеля Троицкого храма при Владимирской детской больнице.

Сегодня он пришел исповедовать и причащать больных. Колкая борода приветливо выглядит из капюшона, когда он благословляет нас по пути из одного корпуса в другой. В переходе замечаю давешнего знакомого Алексея Юрьевича, направляющегося к коридору терапевтического отделения. «Привет, Алекс!» — окликаю его. «О, Юстас! — удивляется он. — А погон куда дел? А меня послезавтра выписать врач пообещал. Но, смотри, ни гугу, это секретная информация!»

Во время обеда занедужившая волонтер Саша пишет в чат ободряюще: «Мои “семейные болельщики” веселы и бодры, а я “в цепи” последняя: нос не чует запахи, язык не ощущает вкусы, но радуюсь, глядя и слыша. Поправляемся!» Сдавая пропуск охраннику, слышу от него завистливое ворчание: «Что-то много вас, волонтеров, развелось. Наверное, вам прилично платят!» Утвердительно киваю в ответ.

Вы даже не представляете, как прилично. Сокровищем, дороже которого на свете ничего нет.

Дмитрий Анохин

Фото МИА «Россия сегодня», Михаила Еремина

ВНИМАНИЕ!

Анкету для новичков-добровольцев из Москвы см. на официальном веб-сайте Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению diasopia.ru и по ссылке в QR-коде. Помимо Москвы, запись добровольцев продолжается в Ростове-на-Дону. Справки по тел.: +7-991-609-17-81 (в будние дни с 10 до 19)

Русская Православная Церковь
ОТДЕЛ ПО ЦЕРКОВНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОМУ СЛУЖЕНИЮ

ПРИГЛАСИТЬ СВЯЩЕННИКА В ПАЛАТУ

 8 800 70 70 222

Горячая линия церковной социальной помощи «Милосердие»

Ответственный в епархии
за посещение священниками
пациентов:

Дежурный священник,
ответственный за посещение
нашей больницы:

Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви

www.diaconia.ru [diaconia.ru](https://www.instagram.com/diaconia.ru)